

О чем думал он долгими воробьевскими днями и ночами, склоняясь над переводом Марциала, сводя счета с управляющим, сидя за обедом с, кажется, нелюбимой женой? Фет молчит об этом — он поет о любви, радости жизни, красоте Божьего мира. Молчит и Шеншин, лишь изредка проговариваясь в письмах. Но чаще он заговаривает себя, всячески подчеркивает свой успех, богатство, заслуженное преуспевание. «Тогда я был бедняком офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава Богу, Орловский, Курский и Воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством...» — докладывает он бывшему однополчанину¹.

Как альпинист, он неутомимо карабкался от вершины к вершине жизненного успеха. И чувствовал только скуку, холод, одиночество. И бросался, как заведенный, переводить стихи, добывать новые отличия и знаки общественного внимания.

Помещик Шеншин вдруг решил отпраздновать юбилей поэта Фета. Ожидать пятидесятилетия со дня выхода первой книги не хотелось, дату же пробуждения музыки можно было определить произвольно, по собственному усмотрению.

В подготовку включились крупные общественные силы. Давний знакомый И. П. Новосильцев вел переговоры при дворе о даровании звания камергера. Знакомые дамы, среди которых были две Софьи Андреевны, жена автора «Войны и мира» и вдова автора «Князя Серебряного», готовили обед по подписке и организовывали поздравления.

При исчислении заслуг пришлось делать уступку нелюбимым дуракам от общестственности и подыскивать приличествующий ситуации титул. «Поэт есть собственно человек, у которого видимо для постороннего взгляда изо всех пор сочится жизнь, независимо от его воли»², — определение замечательное, но в поздравительный адрес его не впишешь. Шеншин неожиданно придумывает иное. «Подобно Тютчеву, и даже более чем Тютчев, я певец русской жен-

щины. Для меня не секрет, что большинство русских порядочных женщин не только не в состоянии определить приблизительный рост моего таланта, но даже едва ли слышали о моем литературном имени; но зато среди светских женщин я лично знаю многих, сочувственно относящихся, считая в числе последних и Вас. Не состоя ни на какой казенной службе, я не желал бы ко дню моего юбилея никаких избитых формальностей и считал бы себя вполне вознагражденным, если бы сочувствующие моей музе дамы поднесли бы мне в лице избранной председательницы простой лавровый венок в ознаменование пятидесятилетнего служения»¹.

И юбилей грянул. 28 января 1889 года певец русских женщин принимал поздравления на дому, заслушивал адреса и телеграммы. На следующий день (в день памяти Пушкина и рождения Жуковского) был подписной обед в ресторане «Эрмитаж», где тоже поздравляли, пели и произносили тосты. Присутствующим раздавалось заранее сочиненное стихотворение:

Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют;
О, как мой день сегодняшний чудесен! —
Со всех сторон те песни мне несут.

(«На пятидесятилетие музыки
29 января 1889 года»)

(Совсем иной по настроению текст, начинающийся словами «Нас отпевают...», будет опубликован позднее.) В феврале подоспело камергерское звание, и новопеченный камергер был представлен императору.

Шеншин торжествует: он на вершине официального признания. Когда-то самый близкий ему человек сокрушается и недоумеует: «Жалкий Фет со своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое»². Зубоскалы-литераторы сочиняют эпиграммы:

Под старость ключ украсил фалды Фета;
Вполне заслужен им такой почет.
Имеет важный смысл награда эта:
Кто без ключа стихи его поймет?³

¹ Письмо С. В. Энгельгардт от 25 июля 1888 г. // Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма. С. 394.

² Толстой Л. Н. Т. 50/51. С. 23 (запись в дневнике от 14 января 1889 г.).

³ Садовской Б. Ледоход. Пг., 1916. С. 180 (эпиграмма П. А. Козлова на получение камергерства).

¹ Письмо К. Ф. Ревелиоти от 12 июня 1879 г. // Григорович А. История 13-го драгунского военного... полка. Т. 2. С. 223.

² Письмо Я. П. Полонскому от 3 октября 1892 г. // Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 361.